

«Новые войны»: исчезновение будущего и(ли) синхронизация темпоральностей

ФЕДОР НИКОЛАИ

Старший научный сотрудник, лаборатория историко-культурных исследований, Институт общественных наук (ИОН), Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ (РАНХиГС); доцент, кафедра всеобщей истории, Нижегородский государственный педагогический университет им. К. Минина (Мининский университет). Адрес: 603950, Нижний Новгород, ул. Ульянова, 1. E-mail: fvnik@list.ru.

Ключевые слова: политика времени; «новые войны»; дискурс безопасности; синхронизация; презентизм; режимы темпоральности.

Ориентированный на будущее темпоральный режим эпохи модерна сменился сегодня презентизмом в восприятии времени и политике памяти не только в России или Восточной Европе, но и во всем мире. Однако этот презентизм далеко не всегда предполагает подчинение прошлого и будущего интересам настоящего. Речь может идти о конфликте, урегулирование которого достигается путем насильственной синхронизации гетерогенных темпоральных практик либо через признание радикальных разрывов во времени. Чаще всего политика времени рассматривается на макроуровне — как подчинение повседневных практик коммеморации господствующим нарративам или режимам знания-власти. В такой трактовке «политика снизу» выступает как ответная реакция на гегемонию, но в конечном счете она неизбежно обречена на поражение.

В статье эта искусственная оппозиция проблематизируется на материале исследований «новых войн», которые сегодня все чаще становятся децентрализованной системой использования насилия для решения самых разных прагматических задач. Одной из них становится управление будущим в «обществе риска» или бесконечная пролонгация настоящего, в рамках которого граница между обыденным и экстраординарным насилием оказывается размытой. Но одновременно «новые войны» формируют и практики синхронизации «снизу». Политика времени возникает здесь из противоречий между прошлым, настоящим и будущим и не заканчивается созданием устойчивой символической иерархии. Разделить «время войны» и «время мира» оказывается достаточно трудно. Условность этой демаркации рассматривается в статье на материале локальных конфликтов с участием России и западных стран.

«ТЕМПОРАЛЬНЫЙ поворот» в гуманитарных исследованиях 2000-х годов предполагает теоретическое переосмысление императивных «режимов историчности», которым, по словам Франсуа Артога, «люди подчиняются сами по себе»¹. В основании этих режимов лежит коллективный по характеру и меняющийся под влиянием макроисторических событий и социокультурных рамок «опыт времени». Артог считает, что ориентированный в будущее темпоральный режим модерна просуществовал до 1960-х годов, пережив обе мировые войны². Хотя последние, безусловно, вызвали очень сильные трансформации ощущения времени европейцами и «кризис историзма», нашедший отражение в работах Эрнста Трёльча и Карла Поппера, Вальтера Беньямина и Ханы Арендт. Целый ряд историков и исследователей культуры считают, что уже Первая мировая изменила теоретические представления об истории и режим темпоральности в целом:

Идея дисконтинуитета исторического времени стала неизбежным следствием опыта Первой мировой войны. <...> [После войны] защищать идею континуальности исторического времени значило отрицать опыт тех, кто прошел через жестокости войны и разочаровался в прежней вере в божественную справедливость, в идее прогресса цивилизации и в самой человеческой природе. Большинство современников войны не имели больше никакого отношения к довоенным представлениям о будущем. <...> Для поколения Первой мировой война стала экзистенциальным штормом, который перевернул вверх дном их темпоральный опыт³.

Статья подготовлена в рамках выполнения научно-исследовательской работы государственного задания РАНХиГС «Этические аспекты исторического знания как предмет философии истории 2010-х годов».

1. Артог Ф. Порядок времени, режимы историчности // Неприкосновенный запас. 2008. № 3. С. 19.
2. Hartog F. The Modern Régime of Historicity in Face of Two World Wars // Breaking Up Time: Negotiating the Borders Between Present, Past and Future / C. Lorenz, B. Bevernage (eds). Göttingen: Vandenhoeck & Ruprecht, 2013. P. 124.
3. Hölscher L. Mysteries of Historical Order: Ruptures, Simultaneity and the Relationship of the Past, the Present and the Future // Breaking Up Time: Negotia-

Современные конфликты также меняют ощущение времени и конфигурацию презентистского режима темпоральности, утвердившегося, по мнению Артога, во второй половине XX века. Хотя это влияние, безусловно, сильно отличается от воздействия мировых войн.

Как справедливо отмечает Крис Лоренц, следует различать две стратегии понимания современного опыта времени: «презентизм-1» отталкивается от классических линейных нарративов и предполагает подчинение прошлого и будущего интересам настоящего; «презентизм-2» признает неизбежным конфликт темпоральностей, урегулирование которого возможно либо путем насильственной синхронизации гетерогенных темпоральных практик, либо через признание радикальных разрывов во времени⁴. Симпатии самого Лоренца находятся на стороне последнего варианта политики времени. С этой точки зрения современный темпоральный поворот возникает как осмысление практик конструирования границ между прошлым, настоящим и будущим, прочерчивающих и политическое поле. Чаще всего подобная политика времени рассматривается на макроуровне⁵. При этом считается, что социально-культурные рамки подчиняют повседневные практики, определяют их символическое содержание. В такой трактовке «политика снизу» выступает всегда как ответная реакция на гегемонию, но в конечном счете она неизбежно обречена на поражение. Однако практики синхронизации локальных календарей, гетерогенных событий и прагматических интересов разных акторов не исключают конфликта или напряжения между темпоральностями.

В этом контексте особый интерес представляет феномен «новых войн», которые, по словам Мэри Калдор, уже не являются экстраординарным «продолжением политики другими средства-

ting the Borders Between Present, Past and Future. P. 138, 148. Также см.: War Time: First World War Perspectives on Temporality / L. Halewood et al. (eds). L.; N.Y.: Routledge, 2018; Winter J. Remembering War: The Great War Between Memory and History in the Twentieth Century. New Haven: Yale University Press, 2006.

4. Lorenz C. Out of Time? Some Critical Reflections on François Hartog's Presentism // Rethinking Historical Time: New Approaches to Presentism / L. Olivier, M. Tamm (eds). L.; N.Y.: Bloomsbury Academic, 2019. P. 23–42.
5. См., напр.: Hassan R. Empires of Speed: Time and the Acceleration of Politics and Society. Boston: Brill, 2009; Stockdale L. P. D. Governing the Future, Mastering Time: Temporality, Sovereignty, and the Pre-emptive Politics of (In)Security. PhD thesis. McMaster University, 2013; Олейников А. А. Политика времени // Социология власти. 2016. № 2. С. 8–14.

ми», но превращаются в децентрализованную систему использования насилия для решения самых разных прагматических задач⁶. Одной из важнейших их целей становится управление будущим в «обществе риска» или бесконечная пролонгация настоящего, в рамках которого граница между обыденным и экстраординарным насилием оказывается размытой («презентизм-1»). Но одновременно «новые войны» провоцируют и политику синхронизации «снизу» — позволяют «сверить часы», провести границы между прошлым и настоящим, «тогда» и «уже» самых разных социальных групп и «воображаемых сообществ» («презентизм-2»).

Политика синхронизации «времени войны» и «времени мира»

Применительно к «старым» (классическим) войнам принято разделять «время войны» и «время мира». Так, например, известный российский специалист по военно-исторической антропологии Елена Сенявская, ссылаясь на воспоминания Константина Симонина, отмечает: «Время на войне течет по особым законам. Это экстремальное время, на грани жизни и смерти»⁷. Однако, как убедительно доказывает профессор университета Эмори Мэри Дудзяк, подобное разделение не очень корректно. В своей работе «Военное время: идея, ее история и последствия» она прослеживает трансформации понятия «военное время» во второй половине XX — начале XXI века в США и распространение дискурса безопасности как предлога для ограничения прав граждан и роста полномочий исполнительной власти⁸. С этой точки зрения «новые войны» лишь продолжают логику мировых войн, которые предполагали не только борьбу за территории, но и управление временем — синхронизацию темпорального опыта граждан.

Уже Вторая мировая показала гетерогенность широкого спектра задействованных в ее рамках темпоральных практик: жизнь многих солдат она разделила на до и после, а для политиков маркировала начало новой (послевоенной) эпохи, хотя время фермеров по-прежнему было привязано к солнечному календарю, а рабочих — к циклическому ритму ежедневного труда. С другой стороны, «мирное

6. Калдор М. Культура новых войн // Логос. 2019. Т. 29. № 3. С. 1–21.

7. Сенявская Е. С. Время и пространство на войне // Историческая психология и социология истории. 2010. № 1. С. 6.

8. Dudziak M. L. War Time: An Idea, Its History, Its Consequences. Oxford: Oxford University Press, 2012.

время» 2 сентября 1945 года наступило далеко не для всех: общие мирные договоры с Германией и Японией подписаны не были, оккупированные территории и локальные конфликты (например, в Греции), а также юридические практики и многочисленные последующие судебные прецеденты демонстрировали отсутствие границы между войной и миром. То есть «военное время» оказалось условным, но тем не менее работающим маркером синхронизации целого ряда локальных практик и макрополитических нарративов.

Холодная война также предполагала синхронизацию достаточно разных нарративов и практик: ядерной угрозы и риторики борьбы за мир, идеологического обоснования превосходства демократии и активной деятельности спецслужб, миротворческой дипломатии в ООН и участия в локальных конфликтах. При этом логика превращения *внешних угроз* в средство управления *внутренней политикой* стала устойчивым политическим ходом, который до сих пор используется в разных странах. Критический посыл Дудзяк более чем очевиден: разделение «времени войны» и «времени мира» служит оправданием в политической борьбе, а правовое решение конфликтов должно быть правилом, а не исключением даже в условиях «войны с террором». Наиболее интересны в этом исследовании фрагменты, касающиеся сохранения мультитемпоральности в конкретных судебных кейсах, когда судьбы вынуждены принимать решения на стыке нескольких конвенциональных нарративов. Любопытен также тезис о неизбежной адаптации общества к риторике безопасности. Это доказывает, что синхронизация темпоральных режимов никогда не бывает абсолютной — разные ритмы и локальные интересы не вписываются в господствующий нарратив и сохраняют напряжение в политическом и правовом поле.

Проблематика синхронизации важна и для профессора Университета Восточной Англии Ли Джарвиса, который в работе «Время террора: дискурс, темпоральность и война с террором» анализирует сотни официальных документов Белого дома и выступлений ведущих американских политиков по поводу ситуации в Афганистане и Ираке в 2000-х годах.

Война с террором с самого начала сконструирована вокруг трансформации темпоральности. <...> Переосмысление привилегированного режима знания о динамике, движениях и структуре времени представляется основополагающим для формирования, репрезентации и распространения [локальных] конфликтов⁹.

9. *Jarvis L. Times of Terror: Discourse, Temporality, and the War on Terror. N.Y.: Palgrave Macmillan, 2009. P. 16.*

Подобно тому как эпоха модерна всегда подчеркивала свое отличие от «старого порядка», «новые войны» и сопровождающий их дискурс безопасности провозглашают события 11 сентября 2001 года началом новой эпохи как для США, так и для всего мира¹⁰. Показательно, впрочем, что если в 2001–2002 годах в выступлениях республиканских политиков подобная риторика однозначно преобладала, то после начала войны в Ираке в 2003 году происходит возвращение к линейному времени. Последнее конструируется за счет использования метафоры восстановления после травмы, необходимости общественного единства, прогресса в войне с террором, а также выстраивания генеалогии террора на протяжении XIX–XX веков. Переплетение этих нарративов, с одной стороны, делает насилие приемлемым и позволяет символически вынести его за границы США, легитимируя необходимостью борьбы со «средневековым» религиозным радикализмом. Будущее сводится к продолжению настоящего и привязывается к тактическому преобладанию в конфликте, полностью выйти из которого вряд ли возможно. По сути, этот презентистский нарратив («презентизм-1» в терминологии Лоренца) подчиняет, символически переопределяет и извлекает политические выгоды из наложения разных режимов времени («презентизм-2») и темпорального разрыва, порожденного событиями 9/11. Как будет видно из второй части статьи, эта логика объединяет «новые войны». При этом важен перформативный характер политики времени. Доминирующий презентистский режим («презентизм-1») предполагает интерпелляцию граждан — легитимирует политическую оппозицию «своего» и «чужого». В этом смысле для Джарвиса (как и для Луи Альтюссера) время всегда политично¹¹. Функция гуманитарных исследований в этом контексте — работа с мультитемпоральностью («презентизм-2») и делегитимация насилия — также неизбежно предполагает политическую составляющую.

Наложение разных темпоральных режимов в условиях «новых войн» рассматривается и в целом ряде работ Кристофера Макинтоша из Бард-колледжа, Шахзада Башира из Стэнфорда, Лиамы Стокдэйла из Университета Макмастера и других¹². Однако прак-

10. *Kellner D.* From 9/11 to Terror War: The Dangers of the Bush Legacy. Lanham, MD; Oxford: Rowman & Littlefield, 2003. P. 27, 38–39; *Lewis J.* Language Wars: The Role of Media and Culture in Global Terror and Political Violence. Ann Arbor; L.: Pluto Press, 2005. P. 17.

11. *Jarvis L.* Op. cit. P. 17.

12. См., напр.: *Time, Temporality and Global Politics / A. Hom et al. (eds).* Bristol: E-International Relations, 2016; *Time and Temporality in Transitional and*

тически во всех этих исследованиях акцент делается на нарративах, социокультурных рамках и «политике сверху», которой условно противопоставляются «низовые практики», индивидуальные свидетельства и тактики выживания (чаще всего лишь упоминаемые, но не рассматриваемые подробно¹³). Сильной стороной этих работ представляется демонстрация того, что нелиберальная презентистская политика вне зависимости от географической привязки — в США, Великобритании, России или Израиле — использует общую схему символического кодирования темпорального опыта (хотя, безусловно, риторические приемы ее оформления могут несколько отличаться).

Темпоральный опыт и политика времени в воспоминаниях российских ветеранов локальных войн

В последние годы в отечественных исследованиях локальных конфликтов усиливается интерес к политике памяти¹⁴, но категория времени отдельно практически не рассматривается. В этом контексте анализ полуформализованных интервью российских ветеранов локальных войн, собранных в 2013–2019 годах в рамках работы лаборатории «Исследования культурной памяти и историческая антропология» Мининского университета¹⁵, позволяет в общих чертах охарактеризовать феноменологию темпоральных представлений комбатантов и те проблемы согласования прошлого и настоящего, с которыми они сталкиваются.

Post-Conflict Societies / N. Mueller-Hirth, S. R. Oyola (eds). N.Y.: Routledge, 2018; *Nanni G.* The Colonization of Time: Ritual, Routine and Resistance in the British Empire. Manchester: Manchester University Press, 2013.

13. В качестве исключения см.: *Wool Z.* After War: The Weight of Life at Walter Reed. Durham: Duke University Press, 2015.
14. См., напр.: *Collective Memory in War* / E. Rozhdestvenskaya et al. (eds). L.; N.Y.: Routledge, 2016; *Danilova N.* The Politics of War Commemoration in the UK and Russia. N.Y.: Palgrave Macmillan, 2016.
15. Всего записано около 90 интервью длительностью от 30 минут до 4,5 часа. Половина респондентов — ветераны Афганистана, около 40% — участники боевых действий на Северном Кавказе. Отдельные интервью связаны с событиями во Вьетнаме, Эфиопии, Нагорном Карабахе, Грузии и на Украине. Интервью сильно отличаются по своей риторике и общим нарративным стратегиям. Подробнее см.: *Николаи Ф. В.* Память, нарратив и тактики самоидентификации ветеранов локальных конфликтов в России // Диалог со временем. 2016. № 54. С. 238–250.

Говоря о временной протяженности армейской службы, следует прежде всего отметить отличие «срочной службы» в Афганистане 1979–1989 годов и «командировок» на Северный Кавказ в 1990–2000-е годы. В первом случае время оказывается неразрывно связано с армейской иерархией «призывов»: неопытным «молодым» чаще приписывается ностальгия по дому, «черпаки» и «деды» живут только настоящим, и лишь «дембель» может позволить себе задумываться о будущем.

Михаил Н. (рядовой, Афганистан, 1981–1983)

Сначала дом вспоминал намного чаще. Но чем дольше находился в Афганистане, тем дальше, казалось, он от меня находится. И не только дом, но и мирная жизнь. Никогда не загадывал, но к концу службы вновь начал задумываться о будущем, о возвращении.

В ходе военных действий на Северном Кавказе в армии существенно выросло число «контрактников», а силы МВД стали действовать, используя ежегодную ротацию служащих путем трех- и шестимесячных командировок.

Алексей Д. (старшина, Северный Кавказ, 2000–2005)

Один раз съездил, второй, пятый... Скоро опять ехать.

Таким образом, если война в Афганистане предполагала иерархическую темпоральность, близкую модели «презентизма-1», то конфликт на Северном Кавказе задействовал скорее циклическое время, превращающее войну в неотъемлемую часть настоящего-продолженного. При этом функциональная дифференциация военных задач, а главное, специфика нарратива как выстраивания дистанции между «тогда» и «сейчас» вели к преобладанию сложной политики времени, скорее соответствующей модели «презентизма-2» в терминологии Лоренца.

С другой стороны, в Афганистане призыв «жить настоящим» оказывался неотъемлемой частью общего дисциплинарного контроля солдатской массы, особенно важного для старших офицеров. Такая установка поддерживалась и через детальную регламентацию повседневных практик, и через дискурсивное противопоставление местного «средневековья» с его «дикостью», ручным трудом и «религиозным фанатизмом» советской «современности» (высокому уровню технического развития, гуманности и «сознательности»). Планирование и обобщение итогов коллективного опыта при этом оказывается делегировано старшим офицерам,

которые ведут «военную бухгалтерию» и выстраивают аналитическую дистанцию по отношению к текущим событиям.

Владислав (лейтенант, Афганистан, 1985–1987)

Когда все идет хорошо, ты и веришь в лучшее, а когда что-то идет не по плану, ты начинаешь надумывать и прогнозировать. Но от этого, конечно, старались отвлекать нас, понимая, что ни к чему хорошему это привести не может. Помню, на войне была примета: если боец начинал вспоминать прошлое, родителей, случаи из детства, то есть как бы просматривать прожитую жизнь, — значит, он будет убит в ближайшем бою. Солдаты старались не слушать такие рассказы и держаться от него подальше, чтобы не притянуть смерть.

В цитате показательно стремление офицеров контролировать как непосредственную боеготовность солдат, так и их темпоральные установки, которые оказываются напрямую с ней связаны.

Эта же логика, хотя и с бóльшим акцентом на детальную регламентацию повседневности, оказалась востребована в ходе боевых действий на Северном Кавказе. Социалистическая риторика перестала использоваться в 1990-е годы, поэтому дисциплинарный контроль осуществлялся не столько на дискурсивном уровне, сколько через прагматическую регламентацию распорядка дня и свободного времени.

Борис Ц. (подполковник, Северный Кавказ, 1995, 1999–2000)

Я своих бил, гонял, давил... Вот не хотелось, нельзя, а давил. Во-первых, как только они пришли, я сразу перед своими офицерами и прапорщиками батареи поставил задачу — затрахать личный состав так, чтобы у них была только одна мысль: спать, спать и еще раз спать. И я этого добился. Приезжают к нам артисты, допустим. Я спрашиваю: «Что первое делаем: либо чистим оружие и идем на концерт, а потом спим; либо идем на концерт, а потом спать?» А они мне: «Какие артисты, чистить оружие и сразу спать!»

Игорь (старший лейтенант, Северный Кавказ, 1999–2000)

У штабных офицеров рутинному ощущению времени, как правило, способствовало несение дежурства по плотному графику, например с 21:00 до 9:00 и опять с 21:00 до 9:00 — и так много дней подряд.

Хотя, как уже отмечалось выше, в российской военно-исторической антропологии достаточно распространено противопоставление «событийного» времени войны и «однотипности», размерен-

ности и регламентированности службы в мирное время¹⁶, приведенные примеры показывают отсутствие этой жесткой грани. Более того, для большинства военных обустройство быта в непривычных условиях становилось главным занятием, поглощавшим большую часть времени.

Алексей Д. (старшина, Северный Кавказ, 2001–2016)

Время привязано к делам, к службе. Когда делать нечего, оно медленно идет. А когда надо обустроиваться, готовить, в караулы ходить и на выезды — его не замечаешь. А кто-то вообще запил и, как на машине времени, очнулся через три недели.

У служащих МВД на Северном Кавказе армейская иерархия призывов сменилась риторикой «адаптации».

Константин (подполковник, Северный Кавказ, 1994, 2000–2005)

Основные потери всегда приходится на первый и последний месяц службы. Первый — все привыкают, опыта еще нет, местность не знают. Последний (особенно если со сменой задержка возникает) — все мыслями уже дома, отсюда разные залеты, водка и т. д. В соседнем отряде из Якутии пятеро человек перед отъездом в кафе пошли и, конечно же, гранат с собой зачем-то взяли. Выпили, начали их в руках крутить, дурачки. Один вытащил чеку и уронил «эфку» под стол. И нет бы отпрыгнуть — все полезли под стол ее доставать. Результат — пять трупов, да еще и четверых местных зацепило.

Во многом этот нарратив адаптации для ветеранов, которые еще служат в МВД или вооруженных силах, становится результатом интерpellации — ответов на тесты, проверок на кадровое соответствие занимаемой должности и бесед с ведомственными психологами. Вопросы на согласование прошлого, настоящего и будущего часто входят в тестирование на профпригодность и предполагают четкое разделение «нормы» и «патологии», то есть требуют заранее известного «правильного» ответа:

На основании методики «Нарисуй время», анкеты и направленного интервью выборка (98 участников боевых действий) была разделена на две группы: группа «Норма» и группа нуждающихся

16. «Опыт службы и исследование показывают, что большинство (75%) ситуаций повседневной служебной деятельности однотипны и, наоборот, большинство ситуаций боевой деятельности нестандартны (88,7%)» (Данильченко С. А. и др. Отношение к смерти и бессмертию на войне. Владивосток: ТОВВМУ, 2007. С. 14).

ся в особом внимании со стороны психолога (ОВП). В группу ОВП вошли 9 человек, у которых было выявлено суждение о времени — «Время не существует». Для них характерны негативное отношение ко времени, отсутствие себя и темы военно-профессиональной деятельности в рисунках о времени... отсутствие связи себя с настоящим и каких-либо перспектив в будущем и др.¹⁷

В ходе таких проверок одним из показателей адаптации оказывается наличие долгосрочных карьерных, семейных и экономических перспектив, что «растягивает» время, возвращает его к линейной и прогрессивной разметке эпохи модерна. С одной стороны, эта установка наследует советскую риторику профорientации и устремленности в будущее, с другой — пересекается с современным неолиберальным прогнозированием инвестиций в «человеческий капитал».

Однако такая презентистская стратегия повседневной регламентации армейской службы (периодически размыкаемая экстраординарными событиями) входит в противоречие с несколькими альтернативными разметками времени. Во-первых, сам формат интервью предполагает необходимость выстраивания темпоральной дистанции между «тогда» и «сейчас». И эта дистанция (связанная в том числе с признанием амбивалентности последствий военных действий) важна для ветеранов.

Владимир Х. (рядовой, Афганистан, 1982–1984)

Это сейчас я понимаю, что мы там были пущечным мясом. А в то время мы так не считали. Нам объясняли, что нас послали в Афганистан, чтобы защищать рубежи нашей Родины. Поэтому мы служили — отдавали свой долг Родине. Мы помогали народу Афганистана.

17. Там же. С. 80. «Не имели никаких позитивных надежд, связанных с окончанием войны, 15,3%; выражали надежду на улучшение экономического положения страны (в том числе благодаря „экономии“ людских ресурсов — „перестанут гибнуть молодые парни“) 10,2%; не смогли дать определенный ответ 27,6%. В остальных случаях (46,9%) надежды связывались лишь с ближайшим будущим — „отдохнуть“, „дослужить“, „уволиться“, „вернуться домой живым“ и т. д. Позитивные жизненные программы, имеющие долговременную перспективу, связанную с обучением, приобретением профессии, активной деятельностью, в той или иной степени присутствовали лишь в 17,8% ответов» (Решетников М. М. Психология войны. Прогнозирование состояния, поведения и деятельности людей. М.: Юрайт, 2018. С. 310).

Прямое вторжение прошлого в настоящее вызывает у комбатантов крайне осторожное отношение и недовольство.

Александр Л. (капитан, Афганистан, 1982–1984)

Фильмы об Афгане я не люблю и книги читать не хочу. Не вижу смысла... Тяжело все это вспоминать, хочу забыть.

Дмитрий И. (рядовой, Афганистан, 1984–1986)

Снится до сих пор, я иногда просыпаюсь в холодном поту. Если мне снится война, то этот день пройдет очень плохо. Пришел когда, первые дни ничего не рассказывал, тяжело очень было. Тишина меня пугала, мне нужен был шум. Даже сейчас в тишине я уснуть не могу, я ставлю телевизор на таймер и ложусь спать.

Показательно, что вторжение прошлого происходит через телесные ощущения, сны и образы — минимально подверженные символическому контролю сознания феномены, редко упоминаемые в рамках ставшей сегодня нормативной риторики «исторической памяти». В то же время эта риторика (напомним девиз Российского союза ветеранов Афганистана — «Памяти павших, во имя живых») и популярный нарратив «фронтового братства» делают прошлое крайне значимым. И ветераны вынуждены занимать некую метапозицию — уже на символическом уровне проводить темпоральные границы, чаще всего присоединяясь к ностальгическому тропу или проблематизируя существующие рамки описания прошлого. Однако такого рода нарративы предполагают неизбежное противоречие между памятью и забвением, которое ситуативно согласовывается или «подвешивается» исходя из прагматики собственного опыта. При этом важен сам процесс синхронизации/разграничения «тогда» и «сейчас». Политика времени возникает во многом в ходе такой работы и «разговоров на кухне» с товарищами или знакомыми.

В результате темпоральные установки в воспоминаниях ветеранов оказываются достаточно гетерогенны и ситуативны. С одной стороны, они призваны подтвердить важность прошлых заслуг и экзистенциального фронтового опыта, с другой — ни в коем случае не исключают элемент спекуляций относительно будущего (выслуги, планов потратить боевые и т. д.).

Борис С. (прапорщик, Северный Кавказ, 1995, 1999)

У нас один срочник был из деревни. Хороший такой парнишка. Он говорил: «Вернусь с войны — коня куплю». У них там почва болотистая — машины вязнут, а конь везде пройдет. Мы потом над ним все подшучивали по этому поводу.

Разная прагматика ситуаций требует определенных навыков и усилий по согласованию этих нарративов со стороны рассказчика. Именно преодоление таких напряжений и формирует основу мультитемпоральной политики «снизу», которая не сводится к синхронизации как подчинению прошлого и будущего интересам настоящего («презентизм-1»), но предполагает необходимость *разграничения* разных пластов времени без устойчивой иерархии («презентизм-2»). Ветеранов Северного Кавказа это касается, возможно, чуть больше, поскольку граница между войной и миром здесь оказывается размыта и в хронологическом, и в политическом смыслах, а прагматика «профотбора» однозначно актуальнее, чем для вышедших в запас афганцев.

Таким образом, разделить «время войны» и «время мира» в воспоминаниях ветеранов локальных конфликтов оказывается почти невозможно. И говорить о подчинении будущего и прошлого политике презентизма можно лишь с очень значительными оговорками. Несогласие с господствующими нарративами появляется в воспоминаниях ветеранов там, где возникает иная прагматика: проблемы адаптации дома, выстраивание новых социальных связей или поиск новой работы, ироническое дистанцирование от армейского прошлого и т. д. И задача исследователя (культурного антрополога) — не просто фиксировать различия этих нарративов, но поддерживать самостоятельные усилия комбатантов по проработке своего фронтового опыта. Еще одной важной, но более сложной задачей может стать сравнение влияния локальных конфликтов на тактики субъективации комбатантов. Показательным в этом отношении представляется фрагмент интервью ветерана войны в Афганистане Баглана Баяхметова из Казахстана:

— Испытываете ли Вы желание вернуться в Афганистан? Если да, то в качестве кого?

— Не знаю даже. Посмотрел в Интернете, как там американские войска, дворец Амина... Даже не хочется смотреть — будущего никакого. Обидно просто. <...> Я не вижу будущего. Как солдат мог бы вернуться, если подготовиться¹⁸.

В этой цитате весьма показательной представляется близость критической проработки прошлого («я не вижу будущего») и его

18. Память из пламени Афганистана: Интервью с воинами-интернационалистами Афганской войны 1979–1989 годов / Под ред. М. Ларюэль и др. Астана: КИСИ, 2016. Кн. 1. С. 94.

аффективного отыгрывания («как солдат мог бы вернуться, если подготовиться»). Господствующие нарративы «мужской работы» и противопоставления «своего» и «чужого» легитимируют эту аффективную стратегию. Однако презентистская политика синхронизации («презентизм-1») оставляет пространство для мультитемпоральности там, где для этого есть прагматические основания.

Библиография

- Артог Ф. Порядок времени, режимы историчности // Неприкосновенный запас. 2008. № 3. С. 19–38.
- Данильченко С. А., Кадыров Р. В., Кулешов В. Е. Отношение к смерти и бессмертию на войне. Владивосток: ГОВВМУ, 2007.
- Калдор М. Культура новых войн // Логос. 2019. Т. 29. № 3. С. 1–21.
- Николаи Ф. В. Память, нарратив и тактики самоидентификации ветеранов локальных конфликтов в России // Диалог со временем. 2016. № 54. С. 238–250.
- Олейников А. А. Политика времени // Социология власти. 2016. № 2. С. 8–14.
- Память из пламени Афганистана: Интервью с воинами-интернационалистами Афганской войны 1979–1989 годов / Под ред. М. Ларюэль, Б. Ракишевой, Г. Ашкеновой. Астана: КИСИ, 2016. Кн. 1.
- Решетников М. М. Психология войны. Прогнозирование состояния, поведения и деятельности людей. М.: Юрайт, 2018.
- Сенявская Е. С. Время и пространство на войне // Историческая психология и социология истории. 2010. № 1. С. 5–17.
- Collective Memory in War / E. Rozhdestvenskaya, V. Semenova, I. Tartakovskaya, K. Kosela (eds). L.; N.Y.: Routledge, 2016.
- Danilova N. The Politics of War Commemoration in the UK and Russia. N.Y.: Palgrave Macmillan, 2016.
- Dudziak M. L. War Time: An Idea, Its History, Its Consequences. Oxford: Oxford University Press, 2012.
- Hartog F. The Modern Régime of Historicity in Face of Two World Wars // Breaking Up Time: Negotiating the Borders Between Present, Past and Future / C. Lorenz, B. Bevernage (eds). Göttingen: Vandenhoeck & Ruprecht, 2013. P. 124–134.
- Hassan R. Empires of Speed: Time and the Acceleration of Politics and Society. Boston: Brill, 2009.
- Hölscher L. Mysteries of Historical Order: Ruptures, Simultaneity and the Relationship of the Past, the Present and the Future // Breaking Up Time: Negotiating the Borders Between Present, Past and Future / C. Lorenz, B. Bevernage (eds). Göttingen: Vandenhoeck & Ruprecht, 2013. P. 134–151.
- Jarvis L. Times of Terror: Discourse, Temporality, and the War on Terror. N.Y.: Palgrave Macmillan, 2009.
- Kellner D. From 9/11 to Terror War: The Dangers of the Bush Legacy. Lanham, MD; Oxford: Rowman & Littlefield, 2003.
- Lewis J. Language Wars: The Role of Media and Culture in Global Terror and Political Violence. Ann Arbor; L.: Pluto Press, 2005.

- Lorenz C. Out of Time? Some Critical Reflections on François Hartog's Presentism // Rethinking Historical Time: New Approaches to Presentism / L. Olivier, M. Tamm (eds). L.; N.Y.: Bloomsbury Academic, 2019. P. 23–42.
- Nanni G. The Colonization of Time: Ritual, Routine and Resistance in the British Empire. Manchester: Manchester University Press, 2013.
- Stockdale L. P. D. Governing the Future, Mastering Time: Temporality, Sovereignty, and the Pre-emptive Politics of (In)Security. PhD thesis. McMaster University, 2013.
- Time and Temporality in Transitional and Post-Conflict Societies / N. Mueller-Hirth, S. R. Oyola (eds). N.Y.: Routledge, 2018.
- Time, Temporality and Global Politics / A. Hom, C. McIntosh, A. McKay, L. Stockdale (eds). Bristol: E-International Relations, 2016.
- War Time: First World War Perspectives on Temporality / L. Halewood, A. Luptak, H. Smyth (eds). L.; N.Y.: Routledge, 2018.
- Winter J. Remembering War: The Great War Between Memory and History in the Twentieth Century. New Haven: Yale University Press, 2006.
- Wool Z. After War: The Weight of Life at Walter Reed. Durham: Duke University Press, 2015.

“NEW WARS”: DISAPPEARANCE OF THE FUTURE AND/OR SYNCHRONIZATION OF TEMPORALITIES

FEDOR NIKOLAI. Associate Professor, Department of General History; Senior Research Fellow, Centre for Studies in History and Culture, Institute for Social Sciences (ISS), fvnik@list.ru.

Minin Nizhny Novgorod State Pedagogical University (Minin University), 1 Ulianov Str., 603950 Nizhny Novgorod, Russia.

Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration (RANEP), 82 Vernadskogo Ave., 119571 Moscow, Russia.

Keywords: politics of time; “new wars”; security discourse; synchronization; presentism; regimes of temporality.

The future-oriented temporal regime of modernity is today being replaced by presentism in the perception of time, not only in Russia or Eastern Europe, but throughout the world. However, this presentism does not always imply subordination of the past and future to the interests of the present. It may involve a conflict among temporalities, which will be settled by a violent synchronization of heterogeneous temporal outlooks or by recognizing radical time gaps. Most often, the politics of time is observable at the macro-level — as subordination of common commemoration practices to dominant narratives or regimes that exercise power over knowledge. In this interpretation, “politics from below” acts as a response to hegemony, but its failure is inevitable.

The article points out the artificiality of that dichotomy by studying the writings about “new wars,” which are now becoming a decentralized system for the use of violence to reach extremely varied pragmatic goals. One of those goals is managing the future in a “risk society” or the endless prolongation of a present in which the boundary between ordinary and extraordinary violence is blurred. But at the same time, the “new wars” are also synchronizing “from below.” The politics of time is generated by the incompatibilities between past, present and future without ever reaching a stable symbolic hierarchy. Under these conditions it becomes quite difficult to separate “wartime” and “peacetime.” The article takes up the problematic nature of this demarcation in relation to cotemporary local conflicts in both Russia and the West.

DOI: 10.22394/0869-5377-2021-4-119-133

References

- Collective Memory in War* (eds E. Rozhdestvenskaya, V. Semenova, I. Tartakovskaya, K. Kosela), London, New York, Routledge, 2016.
- Daniľchenko S. A., Kadyrov R. V., Kuleshov V. E. *Otnoshenie k smerti i bessmertiiu na voine* [Attitudes Toward Death and Immortality in War], Vladivostok, TOVVMU, 2007.
- Danilova N. *The Politics of War Commemoration in the UK and Russia*, New York, Palgrave Macmillan, 2016.
- Dudziak M. L. *War Time: An Idea, Its History, Its Consequences*, Oxford, Oxford University Press, 2012.
- Hartog F. Poriadok vremena, rezhimi istorichnosti [Orders of Time and Regimes of Historicity]. *Neprikosnovennyi zapas* [Emergency Reserve], 2008, no. 3, pp. 19–38.

- Hartog F. The Modern Régime of Historicity in Face of Two World Wars. *Breaking Up Time: Negotiating the Borders Between Present, Past and Future* (eds C. Lorenz, B. Bevernage), Göttingen, Vandenhoeck & Ruprecht, 2013, pp. 124–134.
- Hassan R. *Empires of Speed: Time and the Acceleration of Politics and Society*, Boston, Brill, 2009.
- Hölscher L. Mysteries of Historical Order: Ruptures, Simultaneity and the Relationship of the Past, the Present and the Future. *Breaking Up Time: Negotiating the Borders Between Present, Past and Future* (eds C. Lorenz, B. Bevernage), Göttingen, Vandenhoeck & Ruprecht, 2013, pp. 134–151.
- Jarvis L. *Times of Terror: Discourse, Temporality, and the War on Terror*, New York, Palgrave Macmillan, 2009.
- Kaldor M. Kul'tura novykh voyn [The Culture of New Wars]. *Logos. Filosofsko-literaturnyi zhurnal* [Logos. Philosophical and Literary Journal], 2019, vol. 29, no. 3, pp. 1–21.
- Kellner D. *From 9/11 to Terror War: The Dangers of the Bush Legacy*, Lanham, MD, Oxford, Rowman & Littlefield, 2003.
- Lewis J. *Language Wars: The Role of Media and Culture in Global Terror and Political Violence*, Ann Arbor, London, Pluto Press, 2005.
- Lorenz C. Out of Time? Some Critical Reflections on François Hartog's Presentism. *Rethinking Historical Time: New Approaches to Presentism* (eds L. Olivier, M. Tamm), London, New York, Bloomsbury Academic, 2019, pp. 23–42.
- Nanni G. *The Colonization of Time: Ritual, Routine and Resistance in the British Empire*, Manchester, Manchester University Press, 2013.
- Nicolai F. V. Pamiat', narrativ i taktiki samoidentifikatsii veteranov lokal'nykh konfliktov v Rossii [Memory, Narration, and the Tactics of Self-Identification of the Veterans of Local Conflicts in Russia]. *Dialog so vremenem* [Dialogue With Time], 2016, no. 54, pp. 238–250.
- Oleinikov A. A. Politika vremeni [The Politics of Time]. *Sotsiologiya vlasti* [Sociology of Power], 2016, no. 2, pp. 8–14.
- Pamiat' iz plameni Afganistana: Interv'iu s voynami-internatsionalistami Afganskoi voiny 1979–1989 godov* [Memories From the Flames of Afghanistan: Interviews With Soldiers-Internationalists of the 1979–1989 Afghan War] (eds M. Laruelle, B. Rakisheva, G. Ashkenova), Astana, KISI, 2016, bk. 1.
- Reshetnikov M. M. *Psikhologiya voyny. Prognozirovaniye sostoianiya, povedeniya i deiatel'nosti liudei* [The Psychology of War. Predicting the Condition, Behavior and Activities of People], Moscow, Iurait, 2018.
- Seniavskaia E. S. Vremia i prostranstvo na voine [Time and Space in War]. *Istoricheskaya psikhologiya i sociologia istorii* [Historical Psychology & Sociology], 2010, no. 1, pp. 5–17.
- Stockdale L. P. D. *Governing the Future, Mastering Time: Temporality, Sovereignty, and the Pre-emptive Politics of (In)Security*. PhD thesis. McMaster University, 2013.
- Time and Temporality in Transitional and Post-Conflict Societies* (eds N. Mueller-Hirth, S. R. Oyola), New York, Routledge, 2018.
- Time, Temporality and Global Politics* (eds A. Hom, C. McIntosh, A. McKay, L. Stockdale), Bristol, E-International Relations, 2016.

- War Time: First World War Perspectives on Temporality* (eds L. Halewood, A. Luptak, H. Smyth), London, New York, Routledge, 2018.
- Winter J. *Remembering War: The Great War Between Memory and History in the Twentieth Century*, New Haven, Yale University Press, 2006.
- Wool Z. *After War: The Weight of Life at Walter Reed*, Durham, Duke University Press, 2015.